

О научно-теоретическом измерении истории революционных потрясений в России (к 100-летию Февраля и Октября 1917 г.)

Андрей В. Ишин

*Крымский федеральный университет имени В. И. Вернадского, Симферополь, Россия,
doctory4eslavovi4@mail.ru*

Аннотация: Статья посвящена осмыслению научно-теоретического инструментария исследования революционных потрясений в России. Автор выявляет проблемные узлы научного поиска, формулирует историческую концепцию институционального подхода, обосновывает использование термина (концепта) «фрагментация власти». Автор доказывает смысловую ограниченность широко употребляемого доньше термина «двоевластие», выявляет фундаментальные отличия концепта «фрагментация власти» от «двоевластия». 100-летний юбилей революционных потрясений в России выдвигает перед исследователями насущную задачу комплексного осмысления причин, характера и последствий «Великой Русской Смуты».

Советская историография, преимущественно, рассматривала эти процессы под углом методологии исторического материализма, в фокусе сугубо классово-борьбы. Вполне естественно поэтому, что научные задачи, которые стояли перед учеными советской эпохи, лежали преимущественно в плоскости освещения события революции и Гражданской войны как проявлений борьбы «ведущего революционного класса» — пролетариата во главе с большевистской коммунистической партией с «регрессивными классами» — буржуазией, помещиками, духовенством, «кулачеством». При этом следует признать, что в рамках этого магистрального подхода, который мы предлагаем именовать историко-событийным подходом, исследователям удалось сформировать вполне целостную научную картину общественно-политического конфликта 1917-1922 годов, в целом выявить его движущие силы, ведущих политических акторов, проследить динамику событий.

Однако и в настоящее время в полной мере сохраняет свою актуальность задача всестороннего научного анализа структурно-функциональных особенностей становления и эволюции органов власти, которые функционировали в рамках различных политических режимов, в том числе режимов антибольшевистской направленности, специфики их взаимоотношений, основных направлений политики, причинно-следственных факторов, которые обуславливали принятие и практическую реализацию важных управленческих решений.

Как и несколько десятилетий ранее, в повестке дня современной науки остро стоит вопрос выяснения причин окончательного утверждения большевистской модели Советской власти, и, соответственно, общего поражения оппонентов этой модели на пространстве бывшей Российской империи.

Ключевые слова: революционные потрясения, институциональный подход, фрагментация власти, государственные учреждения.

Для цитирования: Ишин А. В. О научно-теоретическом измерении истории революционных потрясений в России (к 100-летию Февраля и Октября 1917 г.). *Проблемы постсоветского пространства*. 2017;4(2):118-125. DOI: 10.24975/2313-8920-2017-4-2-118-125

About the science-theoretical measuring of history of revolutionary shocks in Russia (to the 100 year of February and October, 1917)

Andrey V. Ishin

*Crimean Federal University named after V. I. Vernadsky, Simferopol, Russia,
doctorvy4eslavovi4@mail.ru*

Abstract. The article is devoted the comprehension of the science-theoretical tool of research of revolutionary shocks in Russia. The 100-years-old anniversary of revolutionary shocks in Russia pulls out before researchers the vital task of complex comprehension of reasons, character and consequences of revolution. Scientific tasks which stood before the scientists of soviet epoch lay mainly inplane illumination of event of revolution and Civil war as displays of fight of «leading revolutionary class» — proletariat at the head with bolshevist communist party with «regressive classes» — bourgeoisie, squires, clergy, the «kulak». Within the framework of this main approach, researchers succeeded to form the fully integral scientific picture of social and political conflict of 1917-1922 years, on the whole to expose his motive forces, leading political actors, to trace the dynamics of events.

However and presently to a full degree the task of comprehensive scientific analysis of structural-functional features of becoming and evolution of organs of power saves the actuality, which functioned within the framework of the different political modes, including modes of antibolshevist orientation. The important element of search is an exposure of specific of mutual relations of public institutions, basic directions of policy, historical factors which stipulated acceptance and practical realization of important administrative decisions.

Institucional approach must organically complement dominant to this day in scientific literature historical-event approach. Institucional approach consists in that a look to the social and political process is inplane not «from» (as in the historical-event measuring) outside, and, vice versa, «from within». In obedience to this approach, research attention applies foremost on subsoil and on organization of administrative mechanisms, internal logic of acceptance both key and, on the face of it, second-rate decisions, tracing of consequences of these decisions, in the nearest and remote historical prospect. The system of organization of power, accentuation of certain valued orientiriv, character of co-operation, between leading organs acquire the value of major (and sometimes decision) factor of social and political process. Important advantage offered approach

is that he allows expressly to realize the «central nerve» of epoch, trace the change of socialideological dominants, transformation of management methods.

Within the framework of institutional approach an author grounds the use of term «fragmentation of power». An author shows that this term is more universal, than term «diarchy», which presently prevails in scientific literature. In the article the fundamental differences of term come to light «fragmentation of power» from a term «diarchy».

Keywords: revolutionary shocks, institutional approach, fragmentation of power, public institutions.

For citation: Ishin A. V. About the science-theoretical measuring of history of revolutionary shocks in Russia (to the 100 year of February and October, 1917). *Post-Soviet Issues*. 2017;4(2):118-125. DOI: 10.24975/2313-8920-2017-4-2-118-125

ВВЕДЕНИЕ

Целью исследования является выявление новых теоретико-методологических форм исследования, адекватного научно-теоретического инструментария. Задачи исследования обусловлены необходимостью обоснования институционального подхода, как универсального методологического инструмента в изучении революционных процессов.

Институциональный подход в истории, по нашему убеждению, в отличие от сугубо политико-экономической его интерпретации, предложенной еще в 1916 г. У. Хамилтоном, заключается в том, что взгляд на общественно-политический процесс находится в плоскости не «вовне», а, наоборот, «внутри». В соответствии с этим подходом, внимание исследователя обращено в первую очередь на фундамент и на организацию управленческих механизмов, внутреннюю логику принятия как ключевых, так и, на первый взгляд, второстепенных решений, выявление последствий этих решений в ближайшей и отдаленной исторической перспективе.

Система организации власти, акцентуация известных ценностных ориентиров, характер взаимодействия между руководящими структурами обретают значение

важнейшего (а иногда решающего) фактора общественно-политического процесса.

Крайне важный научно-теоретический вклад в разработку структурно-функциональной проблематики функционирования государственного аппарата внесли работы выдающихся отечественных историков — Г. З. Иоффе [4; 5; 6], А. Я. Авреха [1], Н. П. Ерошкина [3] и некоторых других, оказавшие существенное влияние на формирование нашей концепции.

Отметим также, что институциональный подход, с нашей точки зрения, неверно противопоставлять доминирующему доньше в научной литературе историко-событийному подходу. Речь должна идти, скорее, об органическом дополнении последнего, при опоре на интервальную методологию, предложенную профессором Ф. В. Лазаревым [10].

РЕЗУЛЬТАТЫ ИССЛЕДОВАНИЯ

Важным преимуществом институционального подхода является то, что он позволяет четко уяснить «центральный нерв» эпохи, проследить смену социально-идеологических доминант в управлении регионами, а также трансформацию методов управления.

Так, если в период между февралем и октябрём 1917 г. управленческие механизмы были подчинены идее созыва Учредительного собрания, разрушительной по своей сути «демократизации» вооружённых сил, вовлечения в управление страной общественных организаций с неясными полномочиями и статусом (т.н. «общественные комитеты»), социальному популизму, то в период широкомасштабной Гражданской войны в значительной мере трансформируется сама философия управления. По нашему убеждению, в целом Гражданскую войну можно рассматривать как борьбу диктатур, но характер этих диктатур, их цели и общая направленность существенно отличались.

Если фундамент большевистской диктатуры составляла военно-коммунистическая политика, откровенное стремление руководства РКП (б) максимально, любым путём (массовый террор, реквизиции и т.д.), сконцентрировать в своих руках ресурсы для «мировой революции», то «белые» диктатуры были подчинены идее гармонизации социальных противоречий на базе законности и жесткого порядка (хотя нужно откровенно признать, что эти категории, по-разному осознаваемые отдельными антибольшевистскими режимами, на протяжении всего периода Гражданской войны оставались, скорее, политическими идеалами, нежели практическими реалиями).

Использование институционального подхода позволяет проследить: как именно трансформировалась политическая миссия тех или иных государственных учреждений.

Так, если в «межреволюционный период» 1917 года реальное значение правоохранительных структур было крайне низким, то в период окончательного утверждения большевистской модели Советской

власти репрессивные структуры приобретают признаки едва ли не наиважнейшего инструмента управления, становятся «го-

сударством в государстве», а иногда даже конкурируют с руководящей властью Областных комитетов РКП (б).

Соответственно, меняется и политическое значение местного самоуправления: в период Февральской революции и «краевой период» оно переживает известный подъём, а в период большевистской и «белой» диктатур — напротив, его значение падает.

Отметим также, что заявленный подход отлично коррелируется с теорией идеальных типов выдающегося немецкого социолога М. Вебера. Так, мы можем выделить в качестве отдельных идеальных типов концепты «единой и неделимой Российской империи» (этот концепт исповедовала царская администрация, а также значительная часть руководства Белого движения); «полного народовластия» с абсолютизацией таких учреждений, как Учредительное собрание, земские собрания, общественные комитеты и т.д. (указанный тип был присущ деятелям Временного правительства и подчинённых ему органов); «Крымско-татарского национального государства» (этот идеальный тип отразился в программных установках деятелей крымско-татарской Директории); «диктатуры пролетариата» (на этот тип ориентировалось руководство РКП (б) и руководство подотчётных ему советских республик).

Перечисленные типы политического устройства так и остались в чистом виде «идеальными», то есть в абсолютном измерении недостижимыми, однако выполняли роль важного ориентира, своеобразного политического маяка для целого ряда политических режимов и представителей разнотипных по своей идеологии элит.

Отдельный аспект в использовании институционального подхода заключается в анализе структурно-функционального измерения Февральской революции как от-

правной точки деструкции традиционной для Российской империи социокультурной и политической реальности.

До сих пор в отечественной историографии для осмысления комплекса общественно-политических проблем, обусловленных последствиями Февраля 1917 года, используется научный термин «двоевластие».

В научный оборот этот термин был введен лидером большевистской партии В. И. Лениным. Так, в проекте партийной платформы «Задачи пролетариата в нашей революции» (1917 г.) В. И. Ленин следующим образом сформулировал суть феномена двоевластия: «Самой главной особенностью нашей революции, особенностью, которая наиболее настоятельно требует вдумчивого отношения к ней, является создавшееся в первые же дни после победы революции двоевластие.

Это двоевластие проявляется в существовании двух правительств: главного, настоящего, действительного правительства буржуазии, «Временного правительства» Львова и К0, которое имеет в своих руках все органы власти, и добавочного, побочного, «контролирующего» правительства в лице Петроградского Совета рабочих и солдатских депутатов, которое не имеет в своих руках органов государственной власти, но опирается непосредственно на заведомо безусловное большинство народа, на вооруженных рабочих и солдат» [11].

С нашей точки зрения, «двоевластие» не является термином ошибочным. Напротив, этот термин задает в целом правильный вектор анализа общественно-политической ситуации на пространстве бывшей Российской империи, сложившейся после Февральской революции.

Тем не менее, за пределами охвата этого научного термина фактически оказался третий важнейший центр концентрации власти, который в 1917 году стал играть

самостоятельную политическую роль — Ставка Верховного Главнокомандующего, а также ее органы на местах — штабы отдельных военных округов.

Отметим, что в свое время именно Ставка сыграла особую роль в отрешении от власти императора Николая II, которое по сути стало кульминацией Февраля.

Вспомним и некоторые эпистолярные источники, в частности, письмо Председателя Государственной Думы М. В. Родзянко Председателю Временного правительства Г. Е. Львову от 18 марта 1917 года. В этом письме М. В. Родзянко фактически обвинил генерала М. В. Алексеева (в марте–мае 1917 года занимал должность Верховного Главнокомандующего) в попытках узурпации власти: «...генерал Алексеев всегда считал, что армия должна командовать над тылом, что армия должна командовать над волею народа, и что армия должна как бы возглавлять собою и правительство, и все его мероприятия» [2].

Политическая роль Ставки существенно возросла в период с 18 июля до 2 августа 1917 года, когда должность Главнокомандующего занимал Л. Г. Корнилов — ведущий архитектор неудачного вооруженного выступления, направленного на трансформацию системы государственной власти в направлении военной диктатуры [9]. Однако и после ликвидации «корниловского мятежа» военная составляющая политической системы продолжала претендовать на собственную политическую роль, особенно с учетом фактора продолжавшейся I Мировой войны, о чем убедительно свидетельствует ряд важных архивных источников (Государственный архив Республики Крым. — Ф. Р-1694. — Оп. 1. — Д. 2).

Исходя из приведенных наблюдений, более обоснованным, чем «двоевластие», нам представляется использование научного термина «фрагментация власти», который

мы вводим в научный оборот в формате институционального подхода для изучения процессов революции и Гражданской войны.

Суть концепта фрагментации заключается в том, что вследствие Февральской революции как в центре страны, так и в провинциях, сформировалось три основных властных центра, претендующих на гегемонию: Временное правительство и его органы на местах, Советы рабочих и солдатских депутатов, Ставка Верховного Главнокомандующего. В отличие от известного политико-правового принципа разделения властей, введенного в научный оборот Шарлем-Луи де Монтескьё, при котором законодательная, исполнительная и судебная ветви власти действуют строго в рамках отведенных полномочий, органично дополняя друг друга, фрагментация власти выразилась в борьбе за всю полноту политической власти между тремя основными центрами. При этом правовой статус этих центров после отрешения от власти императора Николая II был не вполне ясен даже для самих их создателей. Фрагментация, без преувеличения, стала «системным нервом» революции, крайне негативно отразившись на функционировании всех государственных институтов, что обусловило всесторонний кризис управления, обострило социальные противоречия.

Другим важнейшим следствием процесса фрагментации стал фактический пересмотр многовековой традиции государственного развития, что наиболее рельефно проявилось во вмешательстве Советов в деятельность вооруженных сил, пагубном в условиях продолжавшейся мировой войны, на что мы обращали внимание в некоторых наших работах [7, 8].

Логическим следствием фрагментации власти собственно и становится сама Гражданская война, когда на базе одного

из центров (а именно Советов) вырастает большевистская диктатура, на базе другого (Ставка) — соответственно, диктатуры белых режимов, а Временное правительство в конечном итоге уходит в историческое небытие.

С нашей точки зрения, термин «фрагментация власти» является более универсальным, чем «двоевластие». Если последнее затрагивает исключительно плоскость взаимоотношений органов Временного правительства и Советов, то «фрагментацию» вполне можно экстраполировать не только в сферу отношений между разными по характеру образования органами власти, но и в область конфликтов и противоречий между органами одного типа.

Например, ряд выявленных нами архивных источников свидетельствует о конфликтах между сугубо военными и военно-репрессивными структурами в Крыму в 1921 году [7]. Или же мы имеем свидетельства противоречий между Симферопольским и Севастопольским Советами в 1917 году, между Симферопольским и Севастопольским революционными комитетами в 1918 году. Перечень таких примеров можно приводить и далее.

Кроме того, термин «фрагментация власти» имеет еще одно существенное отличие от термина «двоевластие». Хронология двоевластия, согласно выводам историографии, ограничивается временем с марта по июль или же по октябрь 1917 года и связывается, соответственно, или с подавлением властью Временного правительства вооруженных демонстраций рабочих, солдат и матросов в Петрограде и обретением этим правительством чрезвычайных полномочий, или же с октябрьскими событиями, которые повлекли крах Временного правительства.

Использование же термина «фрагментация власти» (хотя и с некоторыми оговор-

ками, связанными со спецификой ситуации в каждом отдельном регионе) вполне правомерно в отношении всего периода Гражданской войны — вплоть до появления устойчивых признаков политической стабильности, связанных с окончательным установлением большевицкой модели Советской власти, то есть не ранее 1922 года.

Используя термин «фрагментация власти», исследователям необходимо учитывать, что разнообразны правительственные учреждения (от Сибири до Крыма), Советы или их аналоги, а также военные штабы, руководящие репрессивные структуры и т.д., действовали не сами по себе, а фактически были трансляторами влияний реальных «центров силы» — политических партий и групп, фундаторов национальных движений, а в ряде случаев — международных субъектов геополитики.

Этот фактор обуславливает еще одну важнейшую историческую особенность этого термина — фрагментация может начинаться (или проявляться) как борьба личностей (например, А. Ф. Керенский–Л. Г. Корнилов, И. В. Сталин–Л. Д. Троцкий и т. п.), а затем неизбежно приобретает объективные признаки, задавая всему политическому процессу разрушительную инерцию.

Отсюда следует еще один важнейший тезис — а именно, причины победы (и, соответственно, поражения) в Гражданской войне в решающей мере обусловлены *спецификой модели самоорганизации политического режима* — его реальной способностью своевременно воспрепятствовать фрагментации, или же «заморозить» ее на ранних стадиях.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Использование теоретического концепта (термина) «фрагментация власти» как важной составляющей предложенной нами интерпретации институционального подхода, открывает для исследователей процессов общественно-политических трансформаций периода революции и Гражданской войны *качественно новые возможности*.

В частности, это позволяет проникнуть во «внутреннюю логику» исторического процесса, на новом уровне проследить структурно-функциональные причины и последствия революционных потрясений на пространстве бывшей Российской империи, усовершенствовать научные представления о содержательных признаках, динамике и характере процессов государственного строительства в этот сложный и противоречивый период отечественной истории.

ЛИТЕРАТУРА

1. Аврех А.Я. Царизм накануне свержения. Москва: Наука; 1989. с. 256.
2. Адоратский В.В., Максаков В.В., Пичет В.И., Покровский М.Н., Полонский В.П., Фриче В.М. Генерал Алексеев и Временный Комитет Государственной Думы. Москва–Ленинград: Государственное издательство; 1922. Т.2. с. 284-286.
3. Ерошкин Н.П. История государственных учреждений дореволюционной России. Москва: Высшая школа; 1983. с. 352.
4. Иоффе Г.З. «Белое дело». Москва: Наука; 1989. С. 291.
5. Иоффе Г.З. Крах российской монархической контрреволюции. Москва: Наука; 1977. с. 320.
6. Иоффе Г.З. Февральская революция 1917 года в англо-американской буржуазной историографии. Москва: Наука; 1970. с. 264.
7. Ишин А.В. Проблемы государственного строительства в Крыму в 1917–1922 годах. Симферополь: АРИАЛ; 2012. с. 384.

8. Ишин А.В. Февральская революция 1917 года: инструментальный аспект. Проблемы постсоветского пространства. 2014; 1(1): 50-60.
9. Керенский А.Ф. Дело Корнилова. Москва: Задруга; 1918. с. 199.
10. Лазарев Ф.В. Многомерный человек. Введение в интервальную антропологию. Симферополь: Сонат; 2001. с. 264.
11. Ленин В.И. Задачи пролетариата в нашей революции (Проект платформы пролетарской партии). Москва: Издательство политической литературы; 1974. Т.31. с. 149–186.

REFERENCES

1. Avrekh A. Y. Tsarism on the eve of the overthrow. Moscow: Nauka; 1989. p. 256. (In Russ.)
2. Adoratsky V. V., Maksakova V. V., Picheta V. I., Pokrovsky M. N., Polonsky V. P., Fritsche V. M. General Alexeyev and the Temporary Committee of the State Duma. Moscow–Leningrad: State publishing house; 1922. Vol. 2. p. 284–286. (In Russ.)
3. Eroshkin N. P. The history of state institutions of pre-revolutionary Russia. Moscow: Higher school; 1983. p. 352. (In Russ.)
4. Ioffe G. Z. «White Case». Moscow: Nauka; 1989. p. 291. (In Russ.)
5. Ioffe G. Z. The Collapse of the Russian monarchist counter-revolution. Moscow: Nauka; 1977. p. 320. (In Russ.)
6. Ioffe G. Z. February revolution of 1917, the Anglo-American bourgeois historiography. Moscow: Nauka; 1970. p. 264. (In Russ.)
7. Ishin A. V. Problems of state-building in the Crimea in 1917–1922. Simferopol: ARIAL; 2012. p. 384. (In Russ.)
8. Ishin A. B. the February revolution of 1917: the instrumental aspect. *Post-Soviet Issues*. 2014; 1(1): 50-60. (In Russ.)
9. Kerensky, A. F. The Case Of Kornilov. Moscow: Zadruga; 1918. p. 199. (In Russ.)
10. Lazarev F. V. Multidimensional Man. Introduction to interval anthropology. Simferopol: Sonat; 2001. p. 264. (In Russ.)
11. Lenin V. I. Goals of the proletariat in our revolution (Draft platform for the proletarian party). Moscow: Political literature; 1974. Т. 31. p. 149–186. (In Russ.)

.....
Статья получена 05.06.2017
Received 05.06.2017

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРЕ / INFORMATION ABOUT THE AUTHOR

Андрей В. Ишин, доктор исторических наук, Крымский федеральный университет имени В.И. Вернадского, Симферополь, Россия; 295007, Россия, Симферополь, проспект академика Вернадского, д. 4; doctorvy4eslavovi4@mail.ru

Andrey V. Ishin, Doctor of Historical Sciences, Professor of the Chair of the Russian History, Crimean Federal University named after V.I. Vernadsky, Simferopol, Russia; bld. 4, Vernadskogo Prospekt, Simferopol, 295007, Russia; doctorvy4eslavovi4@mail.ru